

РЕЦЕНЗИИ

Священник Павел Лизгунов

Священник Павел Лизгунов

ИСТОКИ ПОНЯТИЯ «СМИРЕНИЕ»:
АНТИЧНОСТЬ, СВЯЩЕННОЕ
ПИСАНИЕ, РАННЯЯ ПАТРИСТИКАИСТОКИ ПОНЯТИЯ «СМИРЕНИЕ»:
АНТИЧНОСТЬ, СВЯЩЕННОЕ
ПИСАНИЕ, РАННЯЯ ПАТРИСТИКАСергиев Посад: Изд. Московской духовной академии,
2024. 196 с. ISBN 978-5-907449-29-9

УДК 241.51

DOI: 10.31802/GB.2025.56.1.019

Книга о смирении содержит уникальное исследование понятия, на первый взгляд, однозначного и самоочевидного, но, как оказалось, далеко не простого и при этом оставшегося без системного рассмотрения. Понятия, содержащего в себе вызов миру сему. Почему? Пытаясь постичь сущность христианства — не столько рационально, сколько жизненно-практически, мы сталкиваемся с непостижимым сочетанием в нем абсолютно несочетаемых и даже взаимоисключающих явлений и понятий: Всемогущий Бог в полноте Своей славы и творческой мощи и Он же — беззащитный Младенец в убогом Вифлеемском хлеву или — усталый Путник, идущий дорогами Палестины, не имеющий, где преклонить головы. А что говорить о Голгофе? — этого напряжения не смогла понести даже природа, выразив своё состояние землетрясением и затмением светил. Мы видим, что «безумие Креста» оказалось непосильным даже такому великому культурному феномену, как эллинская античность, производшая высочайшие в истории образцы мысли и образа. Самая сердцевина этой полюсности, которая указывает на сущность христианства и в полноте присущая только ему — и есть смирение. Как это вместить человеку, как понести этот опыт сочетания силы и кротости? Этот совершенно нетривиальный

вопрос, подвергшийся многим искажениям как в скороспелой теории, так и в пастырской практике, требует своего осмысления.

Монография свящ. Павла Лизгунова ставит нас перед неожиданным фактом, что одно из ключевых понятий и важнейших добродетелей в христианской традиции, определяющих временную и вечную участь человека, оказалось вне магистральной научной традиции — и задается целью восполнить этот пробел.

Опираясь на библейские — ветхозаветные и новозаветные — свидетельства, труды св. Отцов Церкви, единодушных в этом вопросе, а также на современные богословские исследования, о. Павел делает вывод о конституирующем характере добродетели смирения для христианства как такового. В связи с этим, по обоснованному мнению автора, учитывая содержание и характер современных богословских дискуссий, актуальной является защита этого понятия от множества нехристианских интерпретаций и перетолкований, корни которых автор отыскивает в древности. Исследование имеет энциклопедический характер относительно генезиса и смысловых коннотаций рассматриваемого понятия. Автор выясняет его этимологические корни, обращаясь к древнегреческому, древнееврейскому и церковнославянскому языкам.

В книге прослеживаются метафизические основания понятия «смирение», уходящего своими корнями в широкое смысловое поле античной культуры. Многообразие направлений античной метафизики классифицируется по их отношению к исследуемому понятию: авторы, признающие объективный характер внешнего мира, его божественное происхождение — акцентируют внимание на добродетельной жизни в подчинении божественным и общественным законам, на наличии смысла и цели человеческой жизни. Авторы, сомневающиеся в объективном характере мира или признающие появление мира случайностью — основным мерилом этической жизни человека считают удовольствие, и призывают его стремиться к получению этого удовольствия. В процессе исследования выявляется фундаментальное отличие языческих этических систем от христианской этики — те аспекты, в которых античная и христианская нравственность в своих предельных выражениях доходят почти до противоположности. Терминологическая разница, отсутствие в словаре античной культуры понятия, полностью соответствующего христианскому понятию «смирение», отражает различия в этических учениях античности и христианства, которые, в свою очередь, обусловлены различиями в онтологии, космологии, антропологии.

Автор отслеживает, как постепенно меняется значение слова *ani* (нищий, убогий) на протяжении Священного Писания Ветхого Завета, от более материального к более духовному. Это наблюдение позволяет ему предположить, что не только термин постепенно развивался на протяжении библейского текста, но и само явление духовной нищеты, смирения постепенно усваивалось человеком на протяжении ветхозаветного периода. Случаи нетипичного употребления термина, образованного от близкого по значению глагола *ana*, свидетельствуют о том, что даже на уровне терминологии в Ветхом Завете уже есть мотивы, предвосхищающие христианское учение о смирении, уничтожении Самого Бога в воплощении, земной жизни и крестной смерти Господа нашего Иисуса Христа. В главе 3 выясняется динамика развития понятия в ранней патристике — начиная от мужей апостольских и апологетов, кончая Климентом Александрийским, Оригеном и другими церковными писателями II–III вв. Рассмотрение генезиса понятия осуществлено с привлечением широкого круга источников и исследований на русском и европейских языках, включая новейшие.

Автор подвергает критическому анализу тенденцию, проявившуюся в трудах современных западных философов (S. Hare, M. Button, J. Tadie) — попытки очистить понятие «смирение» от избыточных христианских коннотаций, ввести его в русло стандартов толерантного мышления — по меткому выражению автора, «это психология язычника, всегда готового принять в свой пантеон новых богов».

Высокий научный уровень осуществленного исследования и его обоснованность делают его авторитетной базой для дальнейших разработок целого круга библейско-богословских проблем.

Книга может быть полезна и интересна исследователям в сфере богословских наук, студентам духовных учебных заведений и теологических кафедр светских вузов, а также всем желающим докопаться до ключевых тем христианской традиции, углубить понимание её сущности и сделать её своим «modus vivendi» — во времени и вечности.

20 декабря 2024 г.

Розалия Моисеевна Рупова
доктор философских наук

доцент кафедры богословия Московской духовной академии